Хакасская археологическая экспедиция

Университетская библиотека
книга 2

Манихейский семинар. Выпуск 1

Открытие государственной религии древних хакасов

Л.Р. Кызласов

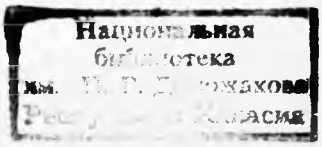
Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии

*

Мани и манихейство

по свидетельствам Абу-р-Райхан ал-Бируни

(с приложением рецензии В.Р. Розена на издание арабского текста "Индии" Бируни)



Москва—Абакан
1999

Л.Р.КЫЗЛАСОВ

СЕВЕРНОЕ МАНИХЕЙСТВО И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Как стало известно ныне, «ветры», с ранних времен приносившие плодотворные культурные импульсы и идеи в Южную Сибирь, были юго-западными или западными, но они всегда пролетали над Срединной Азией. Сибирь к раннему средневековью все больше оказывалась естественным культурным продолжением степей Средней Азии на север. Вот и Мани, — создатель новой, манихейской, религии и первый пророк ее, — родившийся в 216 г. н. э. в далеком Двуречье, произносил свои пламенные проповеди, бродя по разным странам от Вавилонии, Ирана и Средней Азии вплоть до Индии, а достигли они Китая, Центральной Азии и юга Сибири.

Мани считал, что и зороастризм, и христианство, и буддизм — это по происхождению одна и та же правильная вера, искаженная людским непониманием, и он послан восстановить ее. Называя себя «посланником бога Истины», он в то же время был трудолюбивым ученым и писателем. Согласно традиции, Мани изложил канон своего учения в семи книгах, сам изобрел манихейскую письменность на арамейской основе, прославился как одарённый художник, выработавший особый стиль миниатюр для украшения рукописей священных манихейских книг, а также оставил образцы церковной фресковой живописи. Со времени возникновения в манихействе большую роль играли астральные культы, и «люди в белых одеждах» (как обычно называли манихеев за цвет их головных уборов и одеяний) скоро стали астрологами-звездопоклонниками и астрономами. Итак, книжность и образованность лежали у истоков манихейского учения.

В своем раннем труде «Шапуракан» («Книга Шапура», 243 г.) Мани пророчески писал: «Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны». Так и вышло. К XI-XII вв. проповедники его вероучения действовали на просторах всего

Евроазиатского материка от Атлантического океана до Тихого.[1] Хорезмийский ученый Абурайхан Бируни, отмечая, что в его время (в первой половине XI в.) община последователей Мани существовала в мусульманском Самарканде, сообщал: «Что же касается внемусульманского мира, то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии».[2] На западе после VIII в. манихейские сообщества оставались в Северной Африке, Испании, Франции и на Балканском полуострове. В XI-XII вв. это были так называемые секты богомилов, действующие среди христиан в Болгарии, и катаров-альбигойцев — во Франции. До XV-XVI вв. в Западной Европе манихеев клеймили именем «еретиков-демономанов», занимавшихся, якобы, демонологией.

На востоке манихейство от поздних уйгуров (не без участия древних хакасов) передалось киданям, после того, как их первый император Абаоцзи в 924 г. вторгся с войском на запад, захватив бывшие уйгурские степи вплоть до г. Ордубалыка. В 1128 г. мусульманский Кашгар и Семиречье испытали нашествие киданей, вышедших с Орхона (Бэй Ляо). Арабский историк Ибн ал-Асир (умер в 1233 г.) писал о возглавлявшем киданьское войско Гурхане: «Он был манихеем». Впоследствии сильное воздействие манихейства фиксируется в верованиях монголов в эпоху Чингисхана. В XIII-XIV вв. манихейские общины активно действовали в Восточном Туркестане и в Китае. А в Южном Китае манихейская церковь просуществовала до XVI в.[3]

Более поздние остатки угасающего манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков. Они ясно выражены в так называемых «шаманизме», «бурханизме» и в бытовых верованиях аборигенных народов, в лексическом составе их языков. Алтайские бурханисты прямо указывали на «людей в белых одеждах», приезжавших на Алтай и учивших народ верить в единого бога. Манихейскими по своему существу являются хакасские нагорные общественные моления небу, происходившие без участия шаманов; моления

---

[1] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994, с. 131; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 74; Смагина Е.Б. Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995.

[2] Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. 1, с. 213.

[3] Смагина Е.Б. Указ. соч.; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 76—78; Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1, с. 65.

в гротах, ночные бдения в пещерах. То же установлено для народных верований и сакральной лексики кетов Енисея и Подкаменной Тунгуски.[4]

Объяснений большинству указанных выше явлений ученые еще не находили. Поэтому не существовало ясного представления о северном ответвлении манихейства и его истории. Настоящая статья является первым опытом прояснения этой важнейшей темы, без исследования которой нельзя представить себе истинную духовную культуру народностей, обитавших в Сибири в средние века.

1

После гибели Второго Восточнотюркского каганата, на высоких плоскогорьях Центральной Азии возникло новое сильное государство тюркоязычных племен и народностей — Уйгурский каганат (745-840 гг.).[5] Объявив себя наследниками Восточнотюркского каганата, правители уйгуров и их народ сумели, как выяснилось ныне, в середине VIII века вызвать не только неожиданный, скачкообразный взлет собственной культуры, но и придать мощное ускорение культурному развитию соседних народов Южной Сибири и Центральной Азии: азам, чикам, тюркам, древним хакасам, кимакам, карлукам, курыканам и др.

Прежде всего, в Уйгурии удалось впервые перевести в оседлое состояние часть скотоводческого населения страны. Это сопровождалось невиданным до того размахом строительства городов, замков, стационарных поселений, храмов и монастырей. Особое развитие получила государственная сеть почтовых трактов со станциями, обеспечивающими содержание и замену перекладных лошадей для проезжих посланников, гонцов и купцов.[6] С привлечением свободных согдийских поселенцев и военнопленных китайских мастеров Элетмиш Бильге-каган (Моюн-чур, 747-759 гг.), — этот поистине великий каган-

---

[4] Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992, с. 99; Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск, 1993.

[5] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. с. 46—52; Он же. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992, с. 83—88.

[6] Сведения Тамима ибн Бахра (VIII—IX вв.) // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988.

строитель, — в 750-757 гг. в четырех регионах страны возводил крепости, длинные стены, дворцы: еще в 750 г. в завоёванной им земле чиков он приказал «устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом, ... заставил построить крепостные стены»; в Этюкенской черни «велел устроить свой дворец, там ... велел построить стены»; в центре государства «у соединения Орхона и Балыклыка велел строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом». Именно он начал строить столицу государства — г. Ордубалык. Затем он же «... согдам и табгачам дал приказ на берегу Селенги построить город Байбалык»[7], т.е. «Священный город». Судя по типичному плану, тогда же уйгурами на землях покорённых северных карлуков была построена самая западная прямоугольная крепость в верховье Иртыша, выше оз. Зайсан.[8] Последующие каганы уйгуров отстроили на Орхоне и Селенге центральные города: столичный Ордубалык, храмовый Марубалык, резиденцию жен каганов Хатунбалык, а также торговый «Уйгурский город» в Дунбее и др.[9]

В 750-751 гг., укрепляя северо-западные границы государства, войска уйгурского кагана завоевали тюркоязычных чиков, обитавших в Тувинской котловине. По приказу Элетмиш Бильге-кагана в долинах Хемчика и Улуг-Хема впервые в истории Срединной Азии возводится стратегически продуманная мощная оборонительная система, состоявшая из уникальной Долгой глинобетонной стены (длиною свыше 230 км), в которую входили 17 квадратных и прямоугольных крепостей с толстыми глинобитными стенами, а также — вынесенные вперед бастионы. Эта впушительная защитная линия прикрывала Уйгурский каганат с севера от внезапных прорывов древнехакасских войск.

Планы уйгурских крепостей (площадью от 0,6 до 18 га) схожи со среднеазиатскими торткулями. Археологические исследования доказали, что общее руководство и все основные работы по сооружению столь ответственных объектов в Туве выполнялись согдийскими архитекторами и

---

[7] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с. 40—43.

[8] Черников С.С. Памятники культуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960, с. 130—132, рис. 4 (определение городища наше — Л.К.)

[9] Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. // История и культура Востока Азии. Том II. Новосибирск, 1974, с. 65, 145, 146.

строителями. Эти выдающиеся мастера своего дела широко применяли здесь ценный опыт среднеазиатского зодчества.[10] В связи с нашей темой подчеркнем, что согдийцы, во множестве проживавшие в то время в Уйгурском каганате, в основном исповедовали манихейскую религию. Среди них было немало миссионеров-вероучителей.

Размах строительства городов, крепостей и селений в центральноазиатском государстве уйгуров в VIII в. отмечали еще арабские географы. Например, Гамим ибн Бахр ал-Мутавваи, побывавший в Ордубалыке на р.Орхоне, описал, что он ехал «двадцать дней среди сплошных деревень и многочисленных построек. Большая часть населения там — огнепоклонники, придерживающиеся вероучения магов. Среди них есть и зиндики, следующие учению Мани. После этих дней он прибыл в город царя ... это огромный, укрепленный город, вокруг которого населенные сельские волости и сплошные деревни. У этого города двенадцать железных ворот, огромных по величине. (Это город) с многочисленным населением, толчеей, рынками, торговлей. Большинство его жителей следуют вероучению зиндиков», т.е. манихеев.[11]

Слух об отстроенной в Туве Долгой стене достиг, благодаря арабским купцам, ушей самого халифа ал-Васика, обитавшего в 842-847 гг. в Ираке. По приказу повелителя правоверных специальная экспедиция во главе с Салламом ат-Тарджуманом — переводчиком с «тридцати языков» — отправилась к «этой стене», которую халиф считал упомянутой в Коране преградой, якобы сооруженной Зу-л-Карнайном (Александром Македонским). Оба упомянутые путешествия произошли в конце VIII и в начале IX в. Причем Саллам, описавший уйгурские крепости и стену, побывал на территории Тувы в 846 г. (т.е. уже после присоединения бассейна Верхнего Енисея к Древнехакасскому государству). Он сообщил, что «в этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и персидски».[12] В ту эпоху это несомненно были согдийцы.

---

[10] Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 52—54, рис. 30—32.

[11] Материалы по истории Средней и Центральной Азии X- XIX вв., с. 77—78. Поездка Гамима произошла после 762 -763 гг., когда центральноазиатские уйгуры объявили манихейство государственной религией, и до 779 г., когда в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. О городах, деревнях и земледелии уйгуров во время их обитания в «Монголии» — см.: Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, с. 36.

[12] Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986, с. 130.

2

Вернемся, однако, к началу 758 г. Тогда в Туве все тот же Элетмиш Бильге-каган подготовил и осуществил, по замерзшему льду Енисея, дерзкое вторжение на север — в Древнехакасское государство. Внезапность способствовала удаче уйгурской кампании. Древнехакасскому правителю не удалось откупиться обычной данью. Ему пришлось признать свою вассальную зависимость и принять от Элетмиш Бильге-кагана особый принижающий его достоинство титул: Бильге-(тун)-иркин.[13]

И хотя Элетмиш Бильге-каган умер в 759 г., но вся вторая половина VIII века прошла для древних хакасов под сенью уйгурского административного и, главное, культурного воздействия. Это было по уйгурскому военному установлению закреплено присутствием к северу от Саян какого-то контингента своих войск, на что, вероятно, указывают отмеченные в XVIII в. П.С.Палласом остатки прямоугольной глинобитной крепости уйгурского образца на правом берегу, вблизи выхода Енисея из гор, при устье р.Сус (на месте современного села Шушенского). Характерно, что ранее, в 750-751 гг., как уже говорилось, подобные же крепости были сооружены уйгурами в верховьях р. Иртыша, в земле побежденных карлуков и в верховьях реки Хемчика, где она вытекает из ущелья на землю тувинских чиков.

Как видим, поход 758 г. впервые открыл свободу для передвижения через Туву в Хакасию согдийских строителей и миссионеров-манихеев, путешественников и купцов, как среднеазиатских, так и восточнотуркестанских, иранских и арабских. Постепенно бассейн Среднего Енисея стал самым северным районом земного шара, куда проникло манихейское вероучение. Еще недавно никто из исследователей не смог бы даже предположить, что манихеи сочли за благо создать в Хакасии в VIII в. два храмовых центра с монастырями и городской застройкой.[14]

---

[13] Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental Studies. Berkeley — Los Angeles, 1951, p. 324. (За манихейские автором ошибочно приняты писаницы более ранней таштыкской эпохи)

[14] В течение 1972—1981 гг. оба священных объекта были исследованы Хакасской археологической экспедицией, работавшей под руководством автора. См. Кызласов Л.Р. Раскопки средневекового здания в Хакасии // Археологические открытия 1973 года. М., 1974; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Едва ли, однако, древнехакасские правители приняли манихейство раньше уйгуров. Государственной религией манихейское учение провозгласил уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёгю-каган, 759-779 гг.), возвратившись из китайского похода в Ордубалык на р.Орхоне в 763 г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском городе Лояне.[15] Однако, спустя 16 лет после утверждения новой веры, в 779 г. в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Бёгю-каган, его сыновья и некоторые согдийские манихеи были убиты. Но многие приверженцы религии Мани, как теперь можно думать, успели убежать на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., новая каганская династия, во главе с Алп Кутлугом (795-805 гг.), восстановила в Ордубалыке манихейскую веру.

Вкупе с приведенными фактами пребывания уйгуров на Среднем Енисее в 50-60-е гг. VIII в. наука сегодня располагает новыми данными, позволяющими считать, что строительство храмовых городов означало объявление манихейства государственной религией самого Древнехакасского государства. Это произошло одновременно с возвращением хакасами полного суверенитета своей страны, скорее всего, в эпоху высшего подъема и расцвета Уйгурского государства еще до гибели Бёгю-кагана, т.е. в конце периода 763-779 гг. Потому-то, видимо, впоследствии низвергатель манихейства Алп Кутлуг Улуг Бильге-каган (790-795 гг.) начал новую войну с древними хакасами[16], которая не принесла ему никакого успеха. [17]

Древнехакасское государство, освободившись от политического и экономического гнета уйгуров, быстро набрало такую силу, что смогло начать двадцатилетнюю освободительную войну (820-840 гг.). Война эта закончилась ликвидацией Уйгурского государства в Центральной Азии и созданием Древнехакасского каганата (840-1293 гг.), ядро которого составили саяно-алтайские тюрки, выступившие под эгидой древнехакасской царствующей династии из рода Хыргыс. Недаром глава обновленного государства был назван «Хырхыз-хаканом» в анонимном сочинении на персидском языке, написанном в 982-983 гг. Труд этот именуется в науке «Худуд ал-'алам» («О

---

[15] Chavannes Ed., Pelliot P. Un traite manicheen retrouve en Chine // Journal Asiatique. 11 Série Tome I, № 1 et № 2. Paris, 1913.

[16] Hansen Olaf. Zur soghdischen Inschift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun // Journal de la Societe Finno-ougrienne, XLIV, 3. Helsingfors, 1930; Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Вып. III, с. 25.

[17] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии и древние времена. М.-Л., 1950. Т. I, с. 355.

пределах мира»). В тексте его прибавлено, что Хырхыз-хакан живет в городе Кемиджкет, т.е. в «Енисейском городе» (Кем — тюркское название Енисея, кет — по-персидски и по-согдийски означает «город»)[18]. Персидское название города подтверждает приведенное выше сообщение Саллама о том, что в 846 г. в Туве жил «народ, говорящий по-арабски и персидски».

Древнехакасский каган — победитель уйгуров в сражениях 840 г. — носил гордое имя Алп Урунгу — «Доблестный герой», «Герой-знаменосец». По свидетельству китайских хроник того времени, хакасы называли своего государя «ажо» (ажэ)[19]. Титул ажо существовал только в Древнехакасском государстве и не известен у других народов.

3

Мало кто знал, что в VIII-XIII веках в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья. Древнехакасский каганат, занимая огромные земли и проводя собственную политику, рассылал своих миссионеров и в соседние страны, в результате чего догматика этой мировой религии и ее книжность распространялись к северу — вниз по долинам Иртыша, Оби и Енисея — к разноязычным аборигенам Западной и Восточной Сибири, а к юго-западу — в бассейн Среднего Иртыша, где у дружественных кимаков также появились адепты-манихеи, храмы и енисейская руническая письменность[20].

Земля сибирская сохранила то, что трудно было предугадать. Раскопки археологов в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в степи, другой — в горах Батенёвского кряжа. Степной город был столичным и располагался в дельте р.Уйбат, левого притока Абакана (*рис. 1*). На протяжении пяти веков в этом духовном центре действовали не менее одиннадцати манихейских храмов. Большинство их

---

[18] Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1, с. 41.

[19] Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia, с. 320, прим. 40; см.: Кызласов Л.Р. Новая оценка жизнестойкости Древнехакасского государства // Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. Абакан—Москва, 1994, с. 35—38; Он же. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 90.

[20] Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 111; Он же. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981, с. 17—18.

Национальная библиотека

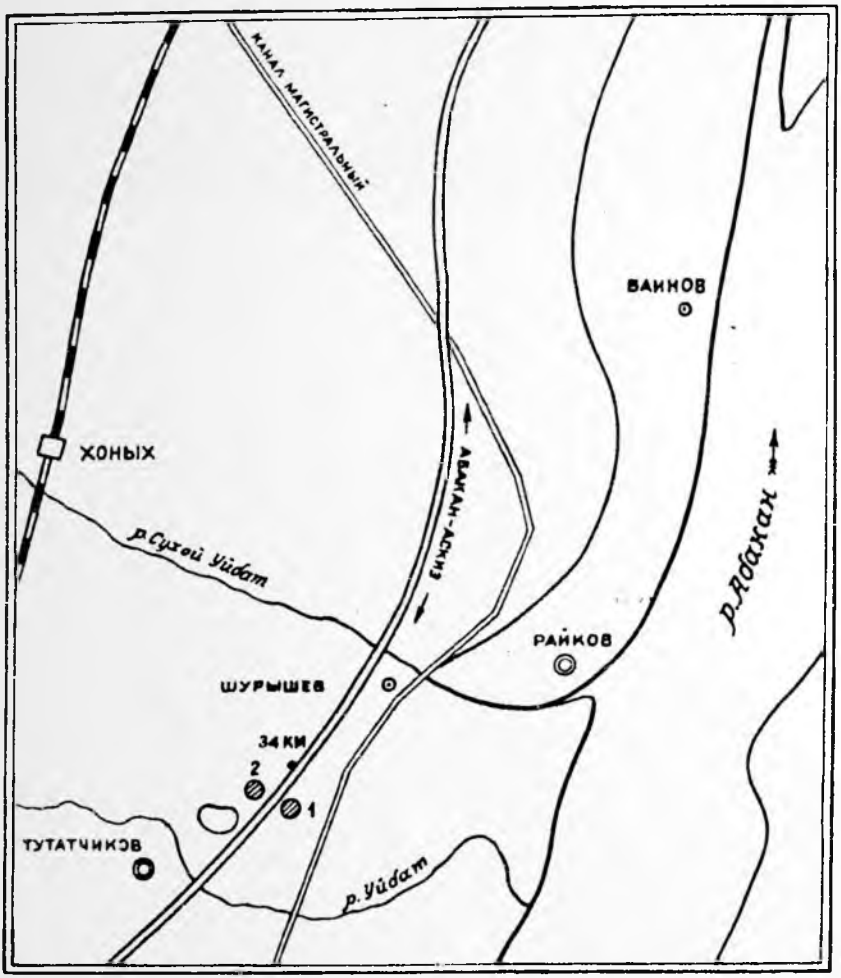


Рис. 1. Схема расположения бугров манихейских храмов в дельте реки Уйбат.

представляли собой монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича, но использовались также и деревянные конструкции и пахсовые блоки (*рис. 2*).

Три храма с течением времени сменили друг друга. В разное время к ним были пристроены еще два небольших сырцовых храма и четыре облегченных деревянных святилища, посвященных божествам стихий: Огня,

Рис. 2. Уйбатский город. Вид раскопок с воздуха, с северо-востока.
Справа от шоссе — монастырь, слева — храм Марса.

Воды и Воздуха. Наконец, самый поздний храм был воздвигнут как отдельное прямоугольное здание в XI в.[21] Просуществовал он, по археологическим данным, по-видимому, до монгольского завоевания Хакасии в 1293 г., а возможно, и дольше. Вместе с ним действовало и пристроенное к нему снаружи второе деревянное святилище огня.

Без учёта той части идеологического наследия, которое манихеи получили от астрологов-звёздопоклонников, именуемых арабами сабейцами (иноверцами), нельзя понять назначение раскопанных в Хакасии храмов и святилищ. Выделим две особенности этого наследия: почитание семи великих небесных светил и символичность во внешней архитектурно-планировочной форме храмов.

Китайский источник VIII в. разъясняет: «Семь светил — это солнце, луна и пять планет, которые предводительствуют людьми. Ежедневно они сменяются. В конце семи дней (цикл их) начинается снова. Их названия следует помнить, потому, что каждое светило имеет на то или иное предприятие влияние, благоприятное или неблагоприятное». Далее, в источнике сделано характерное дополнение: «В случае запамятования ... вам достаточно спросить об этом согдийцев, персов или людей пяти Индий, которые хорошо их знают».[22] И, действительно, в Согде, в руинах замка на горе Муг, найден согдийский календарь VIII в., выявивший, что названия дней семидневной недели были все посвящены авестийским божествам, ставшим позже согдийскими именами планет. В переводе А.А.Фреймана это: «Михш заман — день Митры (Солнца) — воскресенье; Мах заман — день Луны — понедельник; Варахан заман — день Марса — вторник; Тир заман — день Меркурия — среда; Ормазд заман — день Юпитера — четверг; Анахид заман — день Венеры — пятница; Кайван заман — день Сатурна — суббота».[23]

Сабейцы канонизировали планировку храмов, связав каждое божество с определённой геометрической фигурой. Прежде всего у них, как и у индийцев, «квадрат символизировал небесный мир, которому присущи вечный порядок (гармония) и устойчивость. Земному миру присущи

---

[21] Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследования в дельте Уйбата // Археологические открытия 1976 года. М., 1977, план на с. 214; Они же. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // Археологические открытия 1974 года. М., 1975, план на с. 215.

[22] Chavannes Ed. et Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine, p. 191.

[23] Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. 1, с. 46; ср. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М., 1973.

движение и развитие — его символом становится круг». Вот что, сообщал, например, ал-Масуди, который получил в 943 г. сведения из первых уст и многому был очевидцем: «А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, — это здания, круглые по форме. Храм Сатурна — шестиугольный, храм Юпитера — треугольный, храм Марса — прямоугольный, храм Солнца— квадратный, храм Венеры (имеет форму) треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которую они скрывают» .[24] Дополняя эти данные описаниями Шахристани (умер в 1116 г.) и Димешки (XIV в.), мы можем понять сложность приведенной символической схемы, как выясняется далеко выходящей за пределы астральных культов. Вот, что последний автор сообщает, например, о разнообразии круглых храмов: «К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежат следующие — храм Первопричины, образующий круглую стену и имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра», «храм Первого Разума, также состоящий из круглой стены без окон, далее храм Миропорядка (Гармонии), также с круглой стеной и без окон, далее храм Необходимости, в котором находятся фигуры и изображения девяти сфер. И, наконец, храм Души — круглый, как и предыдущие, в котором находится скульптурное изображение человека, имеющего много различных голов рук и ног». Геометрическая символика дополнялась, как выясняется, и цветовой, выражавшейся в окраске храмов. Следует заметить, что круглые планировочные формы были связаны с почитанием олицетворённых абстрактно-философских понятий, а все формы многоугольников, очевидно, увязывались с божествами планет[25].

Неслучайно хорезмиец Абурайхан Бируни (XI в.) сабейцами называл именно среднеазиатских манихеев, которые в его время все еще сохраняли общину верующих в Самарканде (эта община, по ан-Недиму, в конце X в. насчитывала 500 человек).[26] Опыт наших раскопок в «Уйбатском городе» свидетельствует, что искушенные манихейские зодчие канонизировали геометрические формы архитектурного построения храмов, которые они

---

[24] Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 65

[25] Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. М., 1988, с. 16—17

[26] Бартольд В.В., академик. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1, с. 216

получили в наследство от своих предшественников астрологов-звездопоклонников. Каждый из изученных в Хакасии храмов посвящался лишь одному божеству из числа семи великих небесных светил или понятий.

Самым ранним сооружением (быть может, относящимся ко времени уйгурского завоевания в 758-759 г.) явилась здесь, в городе на р.Уйбат, квадратная «крепость» 30×30 м (типа торткуль), совершенно схожая с крепостями, сооруженными согдийцами в Туве. Аккуратнейшая кладка из тщательно сформованных желтоглиняных сырцовых кирпичей свидетельствует о работе опытных мастеров-строителей. Стены, достигающие в высоту 4 м, как и должно, плавно расширялись книзу.[27] В

Рис. 3. Уйбатский город. План храма Первопричины (758—759 гг.) Внутри — вихара с куполом, снаружи — скругленная платформа храма Огня.

[27] Ср. таким же образом сложенные стены внутренней квадратной цитадели уйгурского III-го Шагонарского городища в Туве. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 146, 150, рис. 105, разрез.

Рис. 4. Изображение вихары (столбики, планки, тростниковые циновки) на китайском лаковом блюде. Хранится с 756 г. в сокровищнице Шосоин. Нара. Япония.

восточной стене сохранилась узкая сводчатая калитка, заложенная пахсой при более поздней перестройке (*рис. 3*). Посредине открытого к небу двора (22×22 м) найдены остатки круглого в плане строения типа вихары. Стены его, из тонких гибких прутьев, воткнутых вплотную друг к другу, поднимались, создавая вверху купол (*рис. 3 и 4*). Снаружи и изнутри вся постройка была оштукатурена глиняным раствором, а круглый пол — выстлан деревом. Раскопки подтвердили правильность описания храма Первопричины, который, действительно, был «установлен на земле в виде шатра». Вряд ли это случайно: ведь по сабейской космологической концепции Первопричина дает движение всему Космосу.

В середине 60-х годов VIII в. храм Первопричины был перестроен. На этот раз было использовано все пространство между «крепостными»

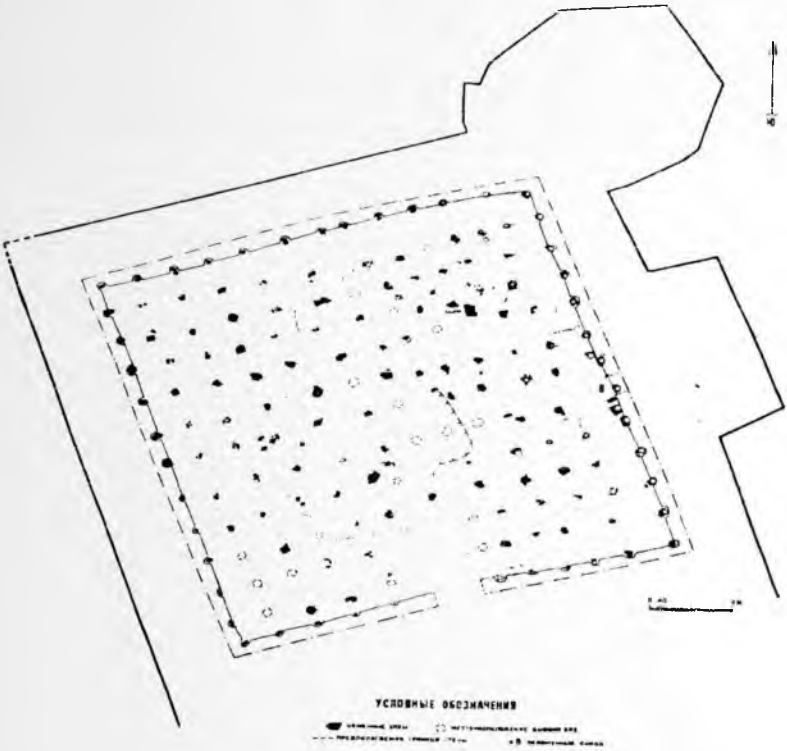


Рис. 5. Уйбатский город. Колонный зал в храме Солнца, пристроенный храм Луны (с севера) и храм Воздуха. Деталь плана монастыря (765—775 гг.).

квадратными стенами. Его занял большой Колонный зал (22×22 м), плоскую кровлю которого поддерживали 169 мощных деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы (*рис. 5*). Исходя из характеристик типовых планов храмов манихеев, представленных в трактатах ал-Масуди и Димешки, этот храм был посвящен богу Солнца (Кюн-тенгри)[28]. Вскоре с южной стороны храма Солнца зодчие пристроили второй квадрат из сырцовых стен, соединенный с храмом широким проходом. Это был монастырь, очевидно,

[28] Единственной аналогией Колонному залу Уйбатского города в Средней Азии является Колонный зал, раскопанный в Северном Таджикистане — см. Негматов Н.Н., Авзалов Р.З., Мамаджанова С.М. Храм и мечеть Бунджиката на Калаи Кахкана I // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 1.

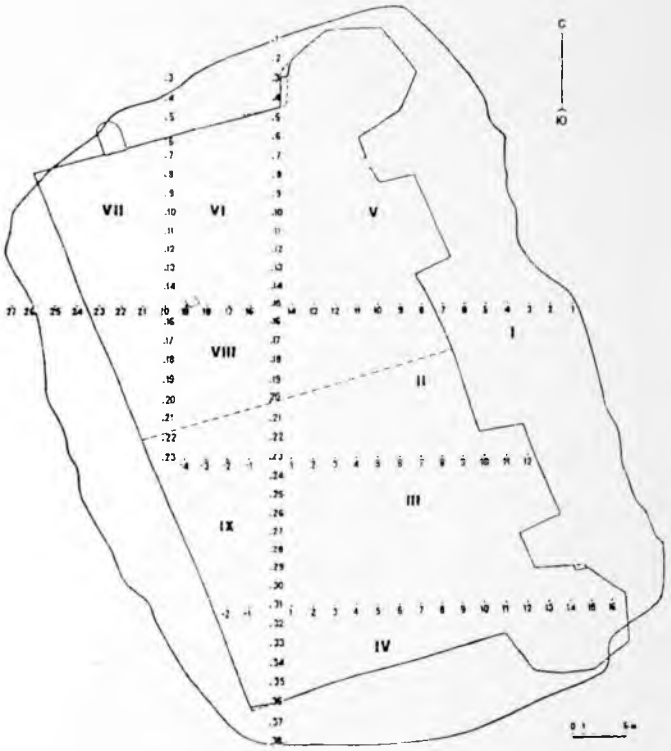


Рис. 6. Уйбатский город. Абрис бугра и план монастыря (с осями разрезов)

разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной стене монастырской половины оставлены были ворота, в которые могла бы проехать двухколесная кибитка.

В результате, к концу VIII в. завершилось создание прямоугольного храмового комплекса общей площадью 60×30 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток. И, сразу же, к южному и северному углам прямоугольного здания были пристроены одинаковые высокие башнеобразные восьмигранные сооружения с уплощенным верхом (*рис. 5 и 6*). За счет выступов башен размеры всего комплекса увеличились до 72×37 м. Тогда же старый вход в Колонный зал храма Солнца был заложен, а новый устроен близ южной стороны северного восьмигранника (*рис. 6*).

По ал-Масуди, сооружения восьмиугольной формы у сабейцев являлись храмами Луны. И если это так, то в Уйбатском городе одновременно

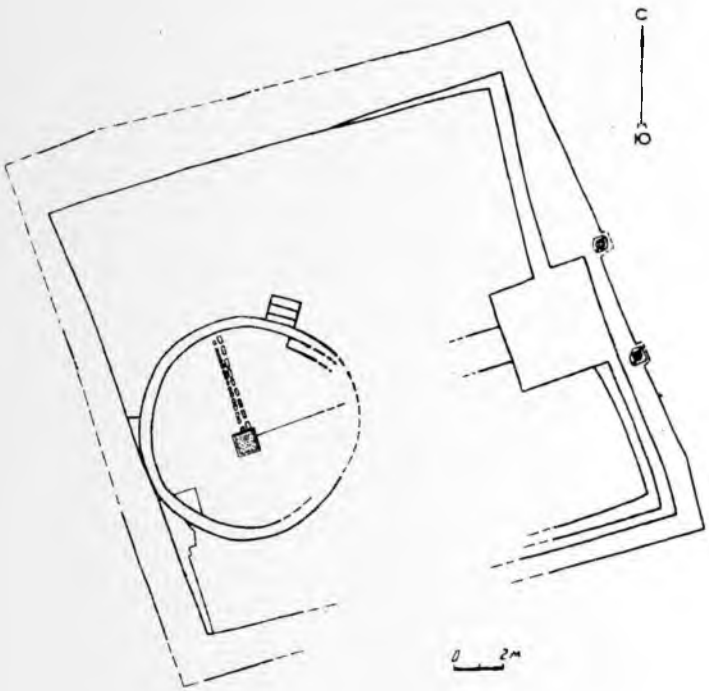


Рис. 7. Уйбатский город. План храма Миропорядка (840—841 гг.).

функционировали не только центральный храм Солнца, но и два святилища богини Луны (Ай-тенгри). Солнце и Луна, согласно представлениям манихеев, образовались из светлых стихий Огня и Воды. Они-то и есть основные Корабли Света. Манихеи днём молились Солнцу, ночью Луне.

Неслучайно посередине северного углового лунного святилища вскоре был заложен квадратный колодец (2×2 м), со стенками, укрепленными жердями и по углам столбами. При расчистке колодец, свидетельствующий о почитании водной стихии, быстро наполнился водой. Нельзя не отметить, что к северо-западной стене храма Солнца снаружи была пристроена невысокая узкая глинобитная, сильно прокаленная, платформа с овальным концом. Такие платформы в Средней Азии остаются от деревянных святилищ Огня (*рис. 3 и 6*).[29]

[29] Ср.: По Великому шелковому пути. Алма-Ата, 1991, с. 158—159 (храм Огня того же плана VII—IX вв.).

По мере обветшания монастырского комплекса со временем пришли в негодность и конструкции храма Солнца. Колонный зал был засыпан галькой и песком и около середины IX в. над ним, во втором ярусе, был сооружен новый квадратный храм (20×20,6 м), не имевший кровли, со входом с юга. В зале этого храма находилась круглая кирпичная «эстрада» (высотой 0,75 м и диаметром 8,8 м). С севера на это круглое возвышение вели три ступеньки подобно трехступенчатым алтарям огня в Иране при Ахеменидах. Посредине «эстрады» располагался квадратный алебастровый «алтарь» с низким бортиком, ориентированный углами по сторонам света. Во время службы на нем в ночное время можно было устанавливать светильник-жертвенник или астрономические приборы (*рис. 7*). Раскрытость святилища к небу — свидетельство гармонии с космосом. Этот подзвездный храм астрального, космического культа, по типологии Масуди, являлся храмом Миропорядка, т.е. Гармонии Мироздания. Скорее всего, этот храм был сооружен по случаю победы над Уйгурией в 840 г., в связи с надеждой победителей на установление миропорядка на земле.

Тогда же на восточной стене комплекса и на пристроенных к ней трапециевидных платформах симметрично разместились два храма Воздуха. Каждый из них был открытым и не имел стен. Деревянные крыши поддерживались четырьмя толстыми колоннами, опиравшимися на каменные базы. Полы также были деревянными. Эти святилища установлены в знак свободы верующих под Небом для прославления Господа (*рис. 6*).

Наконец, был исследован самый поздний храм манихейского Уйбатского города — отдельное прямоугольное здание (20×16 м) без окон, со входом с восточной стороны. Внутри него располагался десятиколонный зал площадью 228,5 кв. м. Колонны, стоявшие на каменных базах, ограничивали в западной части зала квадратное пространство, каждая сторона которого равнялась 7,5 м. Колонны поддерживали вышку со световым люком. Потолок был оштукатурен алебастром. С восточной стороны на полу лежала плита — подставка под светильник (*рис. 8*).[30] У южной стены зала нами расчищена жертвенная яма (глубина 0,9 м) с костями крупной рыбы, птицы и мелкого рогатого скота — остатки обитателей воды, воздуха и поверхности земли. По типологии Масуди, прямоугольный храм посвящался манихеями Богу планеты Марс. Так как жертвы, в виде плоти обитателей всех трех миров, расположенных на вертикальной оси вселенной, были засыпаны землей, то,

[30] Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов, план на с. 215

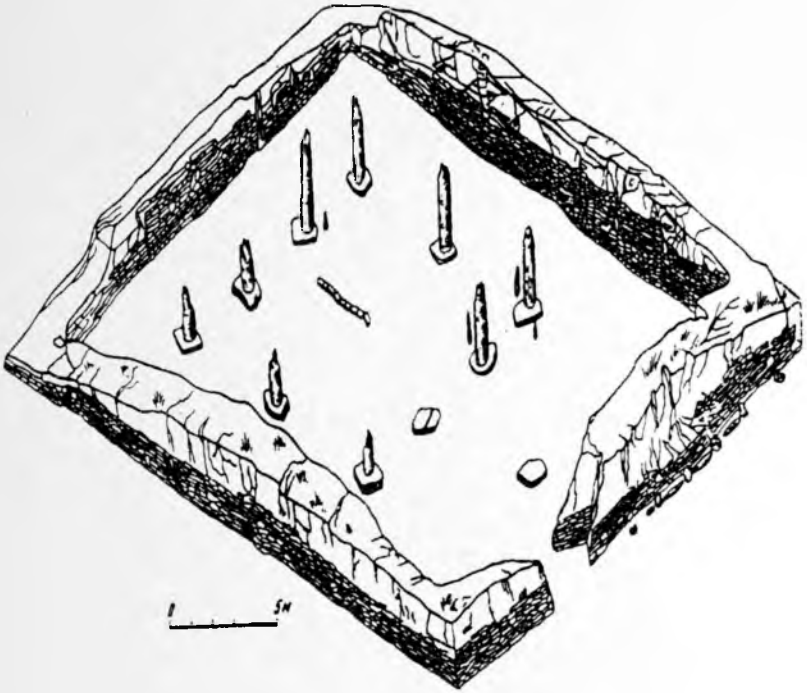


Рис. 8. Уйбатский город. Храм Марса. XI в. Аксонометрия.

видимо, они составили цену откупа за землю хозяину Преисподней — самому Богу Зла. Храм воинственному божеству планеты Марс был сооружён в XI в., когда появилась угроза нападения монголоязычных киданей и найманов. У южной стены этого храма также расчищено пристроенное святилище Огня.

Таким образом, Уйбатский город являлся Священным центром северного манихейства. В нем экспедицией МГУ обнаружено шесть монументальных храмов различного назначения и пять святилищ стихий (*рис. 2*). Сколько же священников и служителей различных рангов было призвано за 500 лет совершать здесь литургии, вести астрологические наблюдения, переводить священные тексты и молитвы на тюркский язык и размножать, используя местную руническую письменность? Заметим при этом, что основная ныне распаханная площадь города археологически еще не изучена.

Второй храмовый центр находился в 90 км к северо-западу от первого. В Батенёвском кряже, в верховьях р. Пююр-сух (Волчья река) — левого притока Уйбата, расположена котловина Сорга. Там в 1971 г. экспедицией

МГУ был открыт и в течение двух сезонов исследован манихейский храм VIII-X вв. (*рис. 9*). Прямоугольное здание (37,5×28,5 м), со стенами из сырцового кирпича, было воздвигнуто на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь его составляет около 800 кв. м. Потолок и стены выбелены известью. Вдоль стен располагались галереи с колоннами.

Основной подъезд с широкой дверью и пандусом обращен был на восток, навстречу богине утра Танг-тенгри. Второй малый подъезд, также с пандусом, вел внутрь с севера. В Хакасии этот храм пока является самым ранним манихейским святилищем, посвященным «Царю Света» и богу войны Марсу.[31] Вокруг храма располагался монастырский городок из деревянных служебных построек. Этот центр был сооружён скорее всего в середине 60-х годов VIII в., когда после смерти Элетмиш Бильге-кагана (759 г.) и длительного китайского похода его преемника Эльтутмыш-кагана (принявшего манихейскую веру в 762 г.) уйгурский напор и надзор над енисейскими тюрками совсем ослаб. Возможно, что ажо Бильге Тун отбросил свой вассальный титул «иркин» и объявил о суверенитете своего Древнехакасского государства. Чтобы прочнее утвердиться, он также, в свою очередь, объявил государственной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство.

В обоснование этой державной политики около 765 года и был заложен второй храмово-монастырский центр в горах Батенёвского кряжа. В предчувствии грядущих войн с Уйгурией в котловине Сорга был воздвигнут монументальный храм «Царю Света» богу войны Марсу. И в то же время в Уйбатском центре был сооружён древними хакасами мощный квадратный многоколонный храм Солнца — ознаменовавший собой утверждение государственного суверенитета народов Южной Сибири.

4

Открытие в долинах р.Уйбата и его верхних притоков невиданного скопления манихейских храмов, святилищ и монастырей само по себе является выдающимся событием в науке. Но не менее важным открытием для истории мировых религий и истории архитектуры оказалось неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений. Изумляет впервые подтвержденная археологией точность сообщений арабских ученых (ал-Масуди, Шахристани и Димешки) относительно конструктивного

---

[31] Подробнее см.: Кызласов Л.Р. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999. № 2.

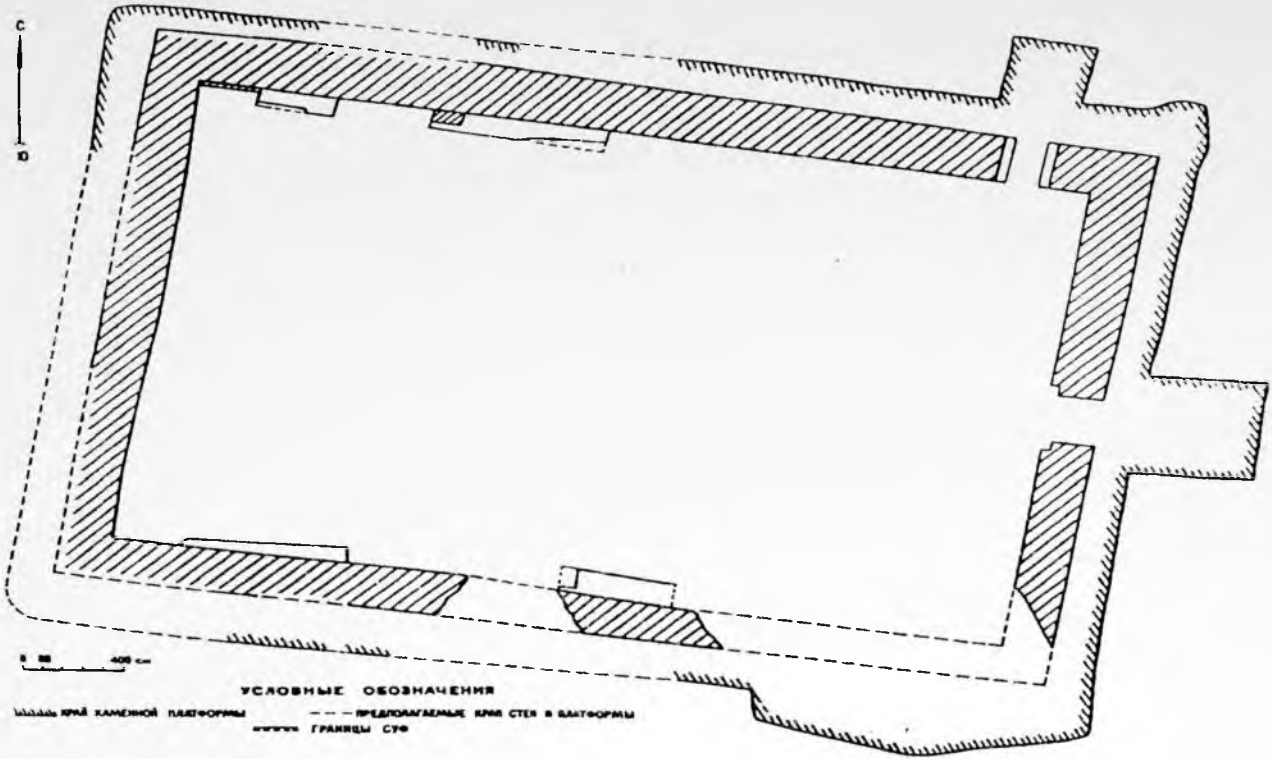


Рис. 9. Котловина Сорга. План храма Царя Света и бога Марса (середина 60-х гг. VIII в.)

разнообразия сакральных сооружений, которое строго определялось посвящением тому или иному астрально-космическому божеству, а также — божествам основных стихий.

Естественно, что представленные нами археологические данные о северном манихействе могут оказаться далеко не полными. Но уже сейчас они документально подтверждают, что создание в долине Среднего Енисея столь крупного Священного центра стало возможным лишь в результате объявления манихейского вероучения государственной религией Древнехакасского государства, его официальной идеологией. Это событие, безусловно, упрочило суверенитет страны.

Вспомним, что к середине VIII в. восточное манихейство переживало нелегкие времена. Претерпевавшее нападки мусульманства, буддизма и христианства несторианского толка, не получившее свободы действий в Китае, оно, наконец, ощутило в 762 г. мощную поддержку уйгурского Бёгю-кагана. Но в 779 г. вновь начались гонения — последовал антиманихейский переворот в Ордубалыке.

Китайские источники сообщают, что как и в других странах, «Мони носят белые одежды и шапки. Пьют только воду». Существуют свидетельства и о том, что они «имели ночные собрания, ... рисовали злого духа гордо восседающим, и Будду омывающим ему ноги, и говорили, что учение Будды есть верховная колесница (толк), а учение Мани верховнейшая». Появилось даже новое обращение манихеев к своему пророку: «Мани-бурхан». В 768 г. велено было в Китае «построить монастырь для уйгурских Мони, под названием «Да юн гуан мин» — «Великий облачный свет». Когда в 847 г. часть уйгуров искала убежища в Китае, то «заслуженным» из них император приказал «выдать шляпы и пояса». Но, в то же время, «правительственное учреждение собрало манихейские книги и священные изображения и сожгло их на дороге. Имущество было взято в казну». В 843 и 920 гг. манихейских монахов в Китае предавали смерти по причине их «возмущений».[32] Как справедливо писал В.В.Бартольд: «Манихеи как в христианском, так и в мусульманском мире только в исключительных случаях могли открыто исповедовать свою веру». Поэтому о культе восточных манихеев повествует только один из китайских текстов. Однако, начиная рассмотрение нового

[32] Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1, с. 12, 50—53; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, с. 331 и 337; Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 31, 46, 51, 54, 55, 57, 61 и 193.

аспекта сибирского манихейства, следует подчеркнуть здесь, что этот источник раскрывает теснейшую связь «учения Света» с образованностью, поскольку, согласно канону, эта вера «различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов».[33]

Новая эпоха, открывшаяся со времени уйгурских вторжений через Саяны на Средний Енисей в 758 и 790 гг., и особо явно проявившаяся с созданием мощного единого государства саяно-алтайских народов в 840 г., предоставила манихейству полную свободу действий. Это, очевидно, послужило основной причиной перемещения центра манихейской церкви далеко на север, в междуречье Енисея и Абакана. Новая вера, став государственной религией Древнехакасского феодального каганата, получила мощную официальную поддержку, а также возможность распространять пропаганду и свет своего учения на всю остальную Сибирь. Это привело к полному культурному перевороту в жизни южносибирского населения. Разгорелся очаг невиданной дотоле в Сибири западной культуры и образованности, распространявший далеко на север разнообразные знания и широкую грамотность на литературном тюркском языке.

По данным В.В.Бартольда, архипастыри манихеев (епископы, пресвитеры и др.) могли занять высокий церковный чин, только получив высшее образование. Углубленные занятия астрологией, астрономией, математикой, богословием и другими прикладными и точными науками, влекли за собою зрелые философские размышления. Манихеи имели собственный календарь, вели исчисление текущего времени по эре Мани, начиная с года его рождения (216 г. н. э.). И всё это было принесено ими в Сибирь.

Как мы уже видели, в среде манихеев имелись жрецы-архитекторы и строители.[34] Были и высокие покровители из числа государственной элиты. Географ конца X в. Макдиси сообщает о двух способах, к которым прибегали ученые его времени для распространения своих трудов: они или устраивали «собрания для чтения лекций», куда старались привлечь иностранцев, чтобы эти ученики потом разносили по разным областям славу своего учителя, или же — посвящали свой труд какому-нибудь знатному лицу.

---

[33] Бартольд В.В., академик. Сочинения. Том II, ч. 1, с. 218—231.

[34] На Ближнем Востоке с древности только жрецы проектировали «Дома Богов» и другие сакральные сооружения.

Четкая внутренняя иерархия, присущая манихейству, предусматривала пять рангов. Церковь возглавлялась «учителями» или «апостолами», которых было 12. Далее шли 72 епископа и 360 пресвитеров (иногда называвшихся «домоуправителями»). Большинство убежденных манихеев составляли «святые» или «избранные», а низшим рангом являлись рядовые — «слушатели». Можно полагать, что вновь обретенная провинция северного манихейства также возглавлялась важным апостолом, опиравшимся, в свою очередь, на некоторое число епископов и пресвитеров. Сколько же священников-праведников, бродячих миссионеров-вероучителей, пречистых монахов-лекарей, переписчиков священных книг по обету, учителей грамоты и писцов, аскетов-отшельников, послушников и церковных служек появилось на Саяно-Алтайском нагорье? К сожалению, библиотеки и книги, рукописи и записки погубило неумолимое Время.

В тексте, начертанном на камне, одной из древнехакасских эпитафий конца IX в. из Суджи, исповедующий манихейство вельможа, судья Бойла («сын кыргыза»), упоминает своего вероучителя, называя его по-сирийски «мар».[35] Именно так называли своих священников манихеи. Буддисты (позже ламаисты), как тюрки, так и, от них, монголы, заимствовали многие манихейские (ираноязычные) термины: «ном» — название священных книг; «супурган» — у манихеев постройки, где выставлялись трупы, т.к. предавать тело земле было запрещено (монгольское «субурган», индийское «ступа»), имена божеств, например, индийского бога Индры. У манихеев оно произносилось как Ормузд (иранское), а в адаптации монголов Хурмуста-тенгри и т.д.

От других мировых религий манихейство отличала редкая и чрезвычайно важная особенность — в любой стране его адепты для распространения своего вероучения пользовались языком местного населения. В.В.Бартольд писал: «Манихеи применили к транскрипции звуков иранского и турецкого (т.е. тюркского — Л.К.) языков свое письмо арамейского происхождения; по словам мусульманского автора, «люди Мавераннахра и Самарканда» писали этим письмом «книги веры» и называли его «письмом веры» ... «согдийские манихейские тексты относят ко времени не ранее VII в., ... в VIII в. уже существовала манихейская литература на китайском языке. ... манихейство сделалось господствующей религией в некоторых тюркских государствах, и еще в X в. тюркский хан-манихеец заступался перед Саманидами за своих самаркандских единоверцев».[36] Для нашей темы особенно важно помнить,

[35] Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, с. 84.

[36] Бартольд В.В., академик. Указ. соч., с. 219.

что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным только манихейство применяло, наравне с манихейским, сирийским, согдийским и порожденным им уйгурским письмом, еще и рунические письменности тюрков.[37] С первым приходом манихеев в середине VIII в. в Южную Сибирь связаны и три первых камнеписных памятника, найденных в Хакасии и Горном Алтае и запечатлевших государственную письменность Уйгурского каганата — младшее орхонское письмо. Надпись на применяемом манихеями сирийском письме эстрангело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнехакасского населения.[38] В то же время распространилась и вторая доныне не дешифрованная южноенисейская руническая письменность местных тюрков, близкая к западным (среднеазиатским) алфавитам евроазиатского корня.[39]

Итак, в Южной Сибири манихеи повсюду проводили литургии и миссионерские проповеди на родном для аборигенов тюркском языке, используя тюркскую руническую письменность (прежде всего енисейскую), создавали духовные и философские сочинения, организовывали сеть монастырских школ для местных тюрков и, следовательно, распространяли широкую образованность среди них. Это привело к своеобразному «взрыву» образованности, к появлению в то время, если можно так сказать, местной тюркской интеллигенции, тюрков-миссионеров и священников. То было время культурного и духовного возрождения восточных тюрков Срединной Азии и Сибири, а также приобщения их к миру духовных и культурных ценностей, выработанных городскими цивилизациями западноазиатского ареала исторической активности народов.

Манихеи впервые создали в Южной Сибири разветвленную сеть религиозных библиотек при храмах, монастырях, миссионерских пунктах и отшельнических пустошах. В них собирались и хранились не только новые произведения манихейской литературы, написанные по-тюркски, но восстанавливались и переписывались произведения прошлого (несомненно, канонизированные труды самого Мани и его старших учеников), созданные на других языках (прежде

---

[37] См. Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XIV—XXXIII, XXXV, XXXVII.

[38] Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1997. № 1; Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика. М., 1984. Т. XVI. с. 94—95, рис. 3.

[39] Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 42—73, 174—180, 217—220, 289—318.

всего, на среднеперсидских) и при помощи манихейской письменности. Переписка священных и иных, научных, книг почиталась за благой подвиг.

Значение манихейских библиотек наиболее ощутимо, при изучении их остатков, обнаруженных в Восточном Туркестане и Дунхуане. Пользование такими библиотеками и содержащимися в книгах языковыми знаниями привело к появлению в енисейских рунических надписях Южной Сибири заимствованной лексики: сирийской (мар «вероучитель»), иранской и согдийской (баг «удел», азун «земная жизнь», абад «благоустроенность», аз «алчность»), санскритской (барм «совершенный», асур «асурий, злой дух», арзы «святой, отшельник»), и даже арабской (эмин «надёжный»). В собственные мужские имена аристократов наравне с традиционными вошли и такие слова как йюкюнч «совершение молитвы» (Оттук-Даш II, Е 64), йевиг «качества бодисатвы, необходимые для просветления» (Адыр-Кая).[40]

Образование, полученное в манихейских школах, обнаруживает себя в выявленном недавно использовании особой полногласной рунической орфографии (восходящей к среднеперсидскому правописанию VIII-IX вв. и самому принципу манихейского письма, полностью обозначавшему гласные). Такое правописание стало особо характерным для поздних рунических текстов XIII—XV вв. Этим обозначился второй этап развития енисейского рунического письма.[41] Под влиянием первичных знаний каких-то западноазиатских письменностей и языков появилось, весьма вероятно, и другое отклонение от собственно рунического правописания — так называемая псевдоруническая орфография.[42]

Отразилось в енисейских памятниках и манихейское мировоззрение. Так, в тексте стелы из Эль-Бажи в Туве (Е68/1, строка 16) рядом с обычными восхвалениями умершего витязя уже употребляется и манихейская формула покаяния: «...я следовал ошибкам точно ценностям». То же отмечается в тексте горноалтайской стелы Бар-Бургазы I, где, с прежде несвойственной

---

[40] В эту выборку включены примеры из еще не опубликованных прочтений И.Л. Кызласова.

[41] Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV вв.) // Российская археология, 1994, № 1; см. Насилов Д.М. К характеристике языковой ситуации в уйгурском государстве в IX—XIII вв. // Вестник Шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. М., 1993. Вып. II; Фридрих И. История письма. М., 1979, с. 166.

[42] Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий // Вопросы тюркской филологии. М., 1997. Вып. III; Он же. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996, с. 124—136.

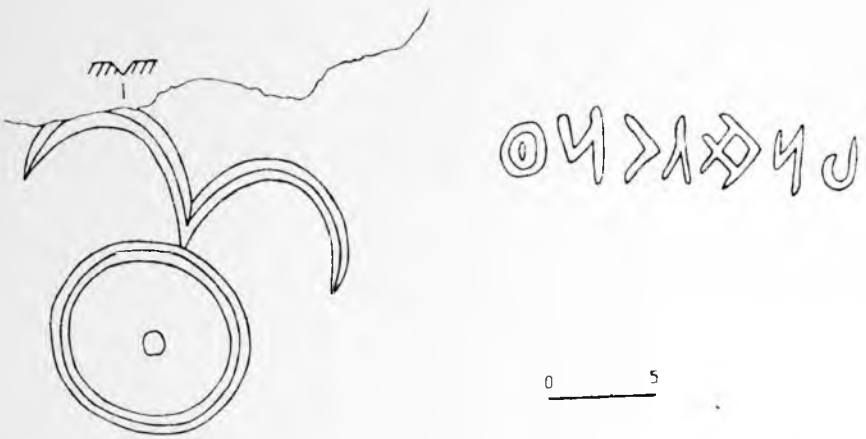


Рис. 10. Хакасия. Манихейская руническая надпись и тамга на скале Крес-хая (близ оз. Фыркалы). Прорисовка И.Л. Кызласова

эпитафиям укоризной сказано, что героя «греховная алчность разлучила» с близкими.[43]

Массовое распространение грамотности, наличие собственной рунической енисейской письменности на литературном языке того времени выразились в появлении в VIII-X вв. огромного количества манихейских наскальных надписей самого разнообразного характера по всему Саяно-Алтайскому нагорью и Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Тува, территория современной Монголии). Многие из текстов, оставленных молившимися на природе, представляют собой монотеистические обращения к Богу в самоуничижительной манере (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.).

Как известно, согласно манихейскому вероучению, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа создана богом Добра. И вот на скале Крес-хая читаем молитвенную запись (Е 137): «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)» (*рис. 10*). Строки Хая-Бажи V и III (Е 24) вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель; на «Городовой стене» (Е 144) вырезан текст, утверждающий, что «благое преумножается путем уничтожения греховного» и т.п.[44]

---

[43] Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998, № 2. с. 71, 72, рис. 4; Он же. Стелы с руническими надписями на Алтае. с. 47, 48, 51—54.

[44] Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. с. 189—194.

Рис. 11. Горный Алтай, скала Ялбак-Таш. Манихейское изображение Сатаны. Прорисовка И.Л. Кызласова.

В Южной Сибири сохранились и памятники изобразительного искусства манихеев. Так, в Горном Алтае на скале Ялбак-Таш, стоящей на древнем тракте, некий путник-манихей выгравировал изображение Сатаны (*рис. 11*). Подобные изображения бога Зла известны ныне во многих районах бывшего обитания верующих манихеев — от Южной Сибири до Семиречья (Таласское Алатау).[45] Наиболее обширной областью манихейского художественного творчества ныне являются изображения, которые несут на себе южносибирские предметы прикладного искусства, отлитые из золота, серебра и бронзы [46] (*рис. 12*).

Другой важной особенностью манихейства, как «всеобъемлющей универсальной религии» было то, что в отличие от христианства и буддизма,

[45] Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. Самашев З. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. рис. 5 (Авторы статей манихейского Сатану не узнали. Ср. его описание в источниках. Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов, с. 70; Смагина Е.Б. Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии // Вестник древней истории, 1993, № 1).

[46] См.: Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990, с. 95—157, 168—174.

Рис. 12. Древнехакасские бронзовые изделия, украшенные орнаментом с манихейской символикой. IX—X вв.

оно «свободно и очень широко включало в свою систему многие образы и представления из местных языческих верований и культов»,[47] в том числе, из раннего тюркского шаманизма. Северное манихейство, которое явилось результатом слияния с языческими верованиями сибирских аборигенов, не уничтожило заложенного в них мощного духовного потенциала, основанного на исконном, древнем культе родной природы.

Поэтому, наряду с вероучителями-марами, в письменных манихейских документах и в китайских хрониках этой поры упоминаются камы — тюркоязычные наименования не только языческих прорицателей и ясновидящих-шаманов, продолжавших практиковать психосоматическое лечебное воздействие на больных[48], но и собственно манихейских

---

[47] Якубовский А.Ю. Вопросы изучения Пянджикентской живописи // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 21

[48] Ср. применение санкритского книжного термина на зеркале, использовавшемся, весьма вероятно, для шаманистского обряда. Кызласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // Советская тюркология. 1981, № 4, с. 93—95

священников, служивших в храмах (например, «кам мар»)[49]. В арабо-персидских источниках, под манихейским влиянием, их стали называть по-персидски фагинунами — очевидно, «прорицателями божьей милостью» (ср. иранское «фаг» или «баг» — бог; согдийское «вагнпат» — жрец; ср. парфянское «багнапат» — жрец).[50]

Сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центральноазиатского. Но если последнее было «облачено в буддийские одеяния», то на сибирское манихейство оказался накинут ещё и шаманский костюм. Древние саяно-алтайские тюрки и их соседи после VIII-IX вв. не «остались обычными шаманистами», как считают до сих пор многие ученые. Приняв «всеобщую универсальную религию» Мани в качестве государственной, они стали «сибирскими манихеями», ибо здесь на севере среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило местные южносибирские шаманистские культы. Это привело к гармоничному соединению двух религиозных систем. Шаманисты, «втянутые в манихейскую оболочку», стали сибирскими манихеями, в иерархии которых видоизмененные «камы» заняли соответствующее им место. Поэтому и имя божества в тюркоязычных священных текстах осталось языческо-древним — Тенгри.

Так как древнехакасский «Хыргыз-каган» выполнял волю Неба, то небесными патронами Древнехакасского государства стали манихейские божества. Закономерно, что впоследствии тюркское Тенгри было у хакасов и алтайцев заменено иранским словом «Худай (Кудай)» — «Господь» (от персидского «Худа/Худо» — бог), принесенного с собою манихеями. Благодаря общению с манихеями в VIII-XII вв. лексика народов Саяно-Алтая обогатилась некоторой долей заимствованных иранизмов и арабизмов.

Но главное заключалось в бурном развитии сибирской письменной культуры, в широком распространении памятников енисейской письменности, ставшей государственной. В VIII-X вв. резко возросло количество стел с руническими эпитафиями, сохранившими тексты собственной тюркоязычной эпитафийной лирики, которые исполнены еще в древней национальной традиции, но, как мы видели, уже отражают и наступление новой веры. По-видимому, победа манихейского мировоззрения

---

[49] Древнетюркский словарь. с. 545 (tänrihgdakï); Бичурин Н.Я. Указ. соч., с. 353

[50] Бойс М. Указ. соч., с. 127. Бартольд В.В., академик. Сочинения. Т. II, ч. 1, с. 125. Т. VIII, с. 48. Ср.: Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. 2, с. 113, 197.

и покончила с традицией енисейских памятных надписей на стелах. Особую сферу манихейской эпиграфики, также одновременно и продолжавшей, и по-своему изменившей старинную южносибирскую культовую практику, составляют наскальные молитвенные надписи.

Южносибирское манихейство свободно развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, некоторое время после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по отдельным памятникам енисейской письменности, оно явилось знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII — начале XV вв.[51] Период расцвета Древнехакасского каганата — огромной единой южносибирской в основе державы — в IX-XIII вв., на протяжении пяти-шести столетий и позже неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

5

Если взглянуть шире на некоторые историко-культурные процессы, протекавшие на территории Евразии в раннем средневековье, то можно сопоставить два события: 762-763 гг. — государь центральноазиатских уйгуров победоносный Бёгю-каган принял манихейство и впервые сделал его государственной религией каганата; 862-863 гг. — христианские миссионеры Константин (Кирилл) и Мефодий создали славянскую письменность и отправились в Великую Моравию распространять на славянском языке свою религию. Оба эти события сближаются, благодаря сходным историко-культурным предпосылкам и последствиям. К восточным и к сибирским тюркам, так же как и к славянам, монотеистические религии пришли на их родных языках, с помощью собственных письменностей. В обоих случаях, переход от язычества к мировым религиям сопровождался культурным «взрывом», вызвавшим в названных странах распространение массовой грамотности и образованности, а также — зарождение и развитие книжного дела.

Отмечая IX в., как «время подъема и оживления всей Восточной Европы, когда началось стремление славянства к организации и просвещению»,

---

[51] Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности

Н.П.Кондаков приводит в своей статье «О манихействе и богумилах» важное свидетельство из знаменитых Паннонских житий просветителей Константина (Кирилла) и Мефодия. В XVI-й главе жития Константина повествуется, как по его возвращении, на пути в Рим, в Венеции «собрались на него епископы и попы и черноризцы, как вóроны на сокола», и, обвиняя в создании славянского письма, «воздвигли триязычную ересь», утверждая, что священные книги достойны быть написаны только на трех языках: еврейском, греческом и латинском. Ответ философа вразумил обвинителей: «Дождь идет от Бога на всех равно... Мы знаем много народов книжных и Богу славу воздающих, каждый на своем языке. Яве же суть си: арьмени, перьси, абазыги, авери, соугди, готьфи, обри, тоурьси, козари, аравляне, егхпьти, и соури и ини мнози».[52] Очевидно, что создатели славянской письменности, как и многие современные им просвещенные обитатели Европы, в IX в. относили к числу «книжных» народов, имеющих свою письменность, не только арабов, персов и согдийцев, но и тюрков, тюркоязычных хазар и аваров («обров»). Тюркские народы, следовательно, тогда признавались давно оставившими темноту языческого политеизма и вступившими в мир «народов книжных», будучи просвещенными светом благочестивого единобожия.

Наибольший вклад в цивилизацию человечества, следовательно, вносит тот, кто твердо убежден, что все народы равноправны в своем стремлении к просвещению и культуре. Вместе с тем, ответ Константина ярко высветил ту особую роль, глубину и широту письменной культуры, которую тюркоязычные народы Евразии обрели задолго до IX века.

---

[52] Кондаков Н.П. О манихействе и богумилах // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. V. I, p. 299; ср.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 88—89.